

А. А. Вершинин

СССР и Красная армия глазами военного атташе Франции Э. Мандра. 1933–1934 гг.

Вершинин

**Александр
Александрович**

канд. ист. наук,
ст. преп., Московский
государственный
университет
им. М. В. Ломоносова;
ст. науч. сотр.,
Уральский
федеральный
университет
им. первого
Президента России
Б. Н. Ельцина (Москва,
Россия)

Финансирование

Исследование
выполнено за счет
гранта Российского
научного фонда (РНФ),
проект № 20-78-10014
«От Соглашения к Пакту:
франко-русские/
франко-советские
отношения в период
1890–1930-х гг.»

«К общему несчастью, слишком часто на протяжении столетий на пути франко-русского союза встречались помехи или противодействия, порожденные интригами или непониманием. Тем не менее необходимость в таком союзе становится очевидной при каждом новом повороте истории»¹, — эти слова генерала Ш. де Голля, произнесенные на Би-би-си 20 января 1942 г., подводили черту под многообещающими, интенсивными, но бесплодными попытками создать накануне Второй мировой войны «великий альянс», призванный сдержать гитлеровскую агрессию в Европе. Французский историк Ф. Гельтон, рассуждая о перспективах советско-французского союза в 1930-е гг., отметил, что в случае своей реализации он «наверняка изменил бы ход истории»².

Историки много лет спорят по поводу причин провала этой новой Антанты³, однако им не позволяет прийти к консенсусу большое число «белых пятен». Одно из наиболее важных — история военного сотрудничества между двумя странами накануне Второй мировой войны. От успеха в этой области во многом зависела судьба всего проекта сближения Москвы и Парижа. Обе стороны возлагали надежды на установление контактов по линии вооруженных сил, но в конце 1930-х гг., пережив определенное оживление, двусторонние военные связи практически сошли на нет.

Проблема давно исследуется зарубежными историками на основе анализа французских источников. В работах М. Вайса, П. Бюфотто, М. Александера, Ф. Гельтона, Э. дю Рео показано, как формировалась позиция французского командования по вопросу сотрудничества с Красной армией и как она соотносилась с внешнеполитическим контекстом того периода⁴. В российской историографии тема военных контактов СССР и Франции перед Второй мировой войной до сих пор глубоко не изучалась⁵. Акцент, как правило, делается на неудачных переговорах представителей советских, французских и британских вооруженных сил в Москве в августе 1939 г., предшествовавших подписанию советско-германского пакта о ненападении⁶. В то же время внимания заслуживает вся их предыстория, которая уходит корнями в начало 1930-х гг. Без ее понимания подвешенным остается ключевой вопрос о том, почему армии двух стран, наиболее заинтересованных в отражении германской агрессии, не смогли найти общий язык.

Данная статья, основанная на изучении документов из российских и французских архивов, посвящена важному, но малоизвестному эпизоду истории советско-французских отношений накануне Второй мировой войны — работе в Москве на должности военного атташе Франции полковника Э. Мандра в 1933–1934 гг.⁷ Энтузиаст сближения с СССР, он прибыл в Москву с планом сотрудничества двух армий и был благожелательно принят в высоких кабинетах, однако его оптимизм сменил скепсис, а затем и разочарование. Ответ на вопрос о том, чем была вызвана столь резкая перемена взглядов французского офицера, заслуживает особого рассмотрения.

На протяжении 1920-х гг. перспектива сотрудничества СССР и Франции в военной сфере оставалась табуированной. При обмене посольствами в 1924 г. советская сторона говорила о возможной отправке военных атташе, однако французы тогда высказались против этого⁸. В Париже хорошо знали о взаимодействии Красной армии и рейхсвера и опасались того, что немцы через своих партнеров смогут получить доступ к сведениям, касавшимся национальной обороны. Общий низкий уровень доверия на фоне нерешенного вопроса о царских долгах и болезненной памяти о сепаратном Брестском мире мало способствовал снятию этих подозрений. В Москве же французскую армию неизменно рассматривали в качестве главной ударной силы антисоветской коалиции империалистических держав. В 1930 г. И. В. Сталин, выступая на XVI съезде ВКП(б), называл Францию «самой агрессивной и милитаристской страной из всех агрессивных и милитаристских стран»⁹.

Ситуация начала меняться в начале 1930-х гг. Советское руководство наблюдало очевидный кризис внешнеполитической модели, возникшей после заключения в 1922 г. Рапальского договора с Германией. Берлин, являвшийся ключевым партнером СССР в Европе, осознавал себя самостоятельным центром силы и был все менее заинтересован в тесном сотрудничестве с Москвой¹⁰. Это несло с собой очевидные политические риски: в Кремле всерьез опасались присоединения Рейха к гипотетическому империалистическому блоку в ситуации обострения обстановки на Дальнем Востоке после захвата Японией Маньчжурии и внутренней дестабилизации в Советском Союзе,

вызванной социальными последствиями «великого перелома»¹¹. Ослабевали и связи между Красной армией и рейхсвером, благодаря которым СССР в 1920-е гг. получал доступ к современным военным технологиям.

В то же время радикализация международной повестки германских правительств на фоне социальных последствий Великой депрессии поставила под угрозу перспективы франко-германского диалога в рамках «локарнской политики» и заставила французское руководство пересмотреть взятый во второй половине 1920-х гг. сдержанный курс в отношении СССР. Ответом на обострившуюся германскую угрозу стал советско-французский пакт о ненападении, заключенный в ноябре 1932 г.¹² Это был серьезный шаг вперед для двух стран, который оставил на втором плане взаимные претензии, восходившие к периоду Русской революции 1917 г. и Гражданской войны. Однако он требовал логического продолжения: без конкретной конструктивной повестки советско-французское сотрудничество рисковало остаться лишь на бумаге.

Это понимали в обеих столицах. В Париже осенью 1932 г. активно действовала группа офицеров, близких к главнокомандующему армией генералу М. Вейгану. Их возглавлял подполковник Ж. де Латтр де Тассиньи¹³. Он считал, что соглашение с Советским Союзом — единственная надежная гарантия для Франции против возрождения германского реваншизма. Де Латтр выступал сторонником благожелательно нейтральных отношений с СССР и подчеркивал необходимость блокировать любую возможность нового советско-германского сближения¹⁴. Сам пакт о ненападении не гарантировал решения этих задач, особенно со стороны Франции, где многое зависело от политической ориентации часто менявшихся правительств. Фундаментом для прочных отношений между двумя странами могло бы стать военное сотрудничество. Здесь, с точки зрения де Латтра, на первое место выходил вопрос об обмене военными атташе¹⁵. В конце 1932 — начале 1933 г. он провел переговоры с неофициальным представителем наркомата по военным и морским делам (НКВМ) М. С. Островским, и в марте 1933 г. стороны договорились об отправке военных представителей¹⁶.

Пост военного атташе СССР во Франции занял близкий к руководителю НКВМ К. Е. Ворошилову комбриг С. И. Венцов. В качестве французского эмиссара в Москву был отправлен один из единомышленников де Латтра полковник Мандра. В декабре 1932 г. в разговоре с Островским де Латтр, еще не называя имени будущего атташе, давал ему следующую характеристику: «Мы посылаем вам лучшее, что имеем, одного из наших самых образованных и блестящих военных... Мы выбрали вам такого, который мог бы наладить дружеские отношения между двумя нашими великими армиями, отношения, основанные на искреннем взаимном уважении и доверии»¹⁷. М. С. Островский с определенным недоверием отнесся к словам де Латтра, однако после личного знакомства с Мандра согласился с его мнением: «Производит впечатление скромного, вдумчивого человека, взвешивающего каждое слово, очень сдержанного. Во время завтрака делал многообещающие заявления о своей будущей работе в Союзе по сближению двух стран, но без обычного французского пафоса и трескучих фраз»¹⁸.

Э. Мандра, в определенном смысле, оказался находкой для де Латтра. Полковник охотно согласился отправиться с миссией в Советский Союз. Для него это было продолжением давно начавшегося увлечения. В неопубликованных мемуарах он не скрывал своего отношения к России: «Я любил Россию и русских, несмотря на пороки их политических систем, будь то царской или советской»¹⁹. Э. Мандра, родившийся в 1882 г., принадлежал к слоям французской элиты, приверженным религии и консервативным ценностям. Эти круги в конце XIX — начале XX в. активно усваивали русскую культуру, видя в царской империи не только противовес германской мощи, но и определенный духовный ориентир²⁰. Выпускник престижной Политехнической школы, выбравший карьеру офицера-артиллериста, он овладел русским языком и глубоко изучил Россию, ее историю, культуру и современное состояние. Два месяца, проведенные в 1911 г. в Москве, по его собственному признанию, породили в нем «непреодолимую тягу ко всему русскому»²¹.

С 1921 г. будущий военный атташе служил в разведывательном отделе Генерального штаба сухопутных сил, где специализировался на изучении Советского Союза и собирал информацию о его вооруженных силах, используя для этого главным образом русскоязычную печать. Стоит отметить, что на протяжении 1920-х гг. Красная армия не являлась объектом особого интереса французских военных. Практически все публикации, посвященные ей, носили чисто информационный характер. Э. Мандра одним из первых занялся ее изучением. В июне 1931 г. на страницах печатного органа военного министерства Франции «Ревю д'Энфантери» вышла его статья «Красная тактика. Схемы и чаяния». На нее обратили внимание аналитики разведывательной службы штаба РККА, отметившие, что факт публикации столь качественного обзора «свидетельствует о повышенном интересе французов к нам и о признании ими роста нашей армии»²².

«Красная армия работает, — констатировал в своей статье Мандра. — Ее традиции не имеют большой давности по сравнению с традициями царской армии. Но вместе с тем, по количеству пытливых умов и лиц, одаренных изобретательскими талантами, она превосходит остальные. Она имеет неисчерпаемый запас людского материала. Воодушевляющие ее чувства идеи и идеалы могут оспариваться (сомнительного свойства). Но они просты и способны возбуждать к совершению геройских подвигов. Выполнение же пятилетки дало бы армии то, что ей больше всего не хватает и что необходимо каждой современной армии — прочную базу национальной промышленности»²³.

Подобный взгляд на военный потенциал СССР не пользовался широкой поддержкой среди французского высшего офицерства, представители которого, не утруждая себя анализом, в массе своей считали Красную армию незначительной величиной. По отношению к ней сохранялись глубокие стереотипы. Когда-то доминировавший на Западе образ «парового катка» сменился представлением о плохо организованной вооруженной силе, слабо знакомой с реалиями современной войны, для которой идеологическая индоктринация заменяет практическую боевую подготовку. По замечанию Ф. Гельтона, французская

разведка предпочитала давать те сведения о Красной армии, которые были заведомо созвучны настроению умов в Генеральном штабе²⁴.

Перед Мандра, таким образом, стояла сложная задача. Требовалось не только наладить каналы поступления более полной информации об оборонном потенциале СССР, но и преодолеть предвзятое отношение к стране, уходящее корнями во времена Первой мировой, Гражданской и советско-польской войн. От того, удастся ли ему в новом свете показать Советский Союз и его вооруженные силы, зависели поддержка армейским командованием всего проекта советско-французского сотрудничества и, во многом, дальнейшие шаги правительства в этом вопросе.

Отправляясь в Советский Союз, полковник в полной мере осознавал политическое значение своей миссии. «Я хорошо понимаю, — писал он де Латтру в ноябре 1933 г., — что для сближения необходимо государственное решение. Подстегнуть его — это цель, которой я хочу добиться. Без принципиального решения мы будем действовать наугад, как лебедь, рак и щука. Какому-то министру и его окружению в один прекрасный день покажется выгодным и приятным улыбнуться Советам, а на следующий день его более осторожный преемник начнет вести себя с ними как с мошенниками, да еще и сообщит им об этом. Нет ничего хуже этого холодного душа». На вопрос о том, ради чего все эти усилия, у Мандра имелся четкий ответ: «Существует германская угроза»²⁵.

Вместе с тем миссия Мандра оставалась во многом проектом лишь части высшего офицерства во главе с де Латтром. Военно-политическое руководство Франции, формально согласовавшее отправку военного атташе в СССР, не ставило перед ним конкретных целей²⁶. Организация его пребывания в Советском Союзе оставалась в руках де Латтра, который надеялся, что конструктивная повестка работы военного атташе сформируется по ходу его первых контактов на месте. Она, очевидно, складывалась из нескольких ключевых вопросов. Э. Мандра должен был наладить рабочий контакт с советским командованием, изучить реальное состояние вооруженных сил страны пребывания, а также сформировать общее представление о внутреннем положении СССР.

8 апреля 1933 г. военный атташе Франции прибыл в Москву. Ему был оказан весьма теплый прием и уделено «исключительное внимание, как никому другому» иностранному военному представителю. Протокольные мероприятия и обеды перемежались с официальными встречами. Начальник штаба РККА А. И. Егоров выразил готовность «показать французскому военному атташе все, что поможет ему составить мнение о Красной армии». Ворошилов отметил в разговоре с Мандра: «Мы очень рады возобновить с Вами нормальные отношения; мы очень надеемся, что сможем теперь жить как хорошие соседи, а позже, возможно, станем друзьями»²⁷. На ужине в посольстве Франции 4 мая командарм С. М. Буденный, «с грубоватой непосредственностью, делавшей его довольно приятным», признался полковнику, что прибыл на торжество по личному поручению Сталина²⁸.

В целом, взаимное впечатление оказалось благоприятным. Э. Мандра проявил себя тонким дипломатом. Работник наркомата по иностранным делам (НКВД), участвовавший в организации его приема, пересказывал речь фран-

цузского военного атташе на одном из официальных завтраков: «Мандрас (так!) ответил, что во Франции знают: 1) как возросла мощь СССР и Красной Армии в результате осуществления пятилетки, 2) как любят трудящиеся СССР свою Красную Армию и 3) что Красная Армия не преследует никаких агрессивных целей, а стоит на страже советских границ, при этом Мандрас процитировал т. Сталина; поскольку французская армия также не имеет никаких наступательных намерений, налицо все предпосылки для плодотворного сотрудничества обеих армий в целях сохранения мира. Полковник Мандрас производит весьма приятное впечатление серьезного человека»²⁹.

1 мая военный атташе Франции присутствовал на военном параде на Красной площади. В беседе с сотрудником НКВМ Мандра не скупился на хвалебные отзывы по поводу увиденного: «Я много видел снимков, кинофильмов и много читал о Красной Армии, но то, что я увидел 1 мая, превзошло мое воображение и представление о Красной Армии (выделено в документе. — А. В.). На меня все произвело глубокое впечатление. Ведь стоит посмотреть на лица, чтобы понять о настроении, о духе Красной Армии... Прошедшая передо мной техника показала, что Красная Армия могуча»³⁰.

В докладе в Париж Мандра, впрочем, проявлял большую сдержанность. «Московский парад 1 мая, — писал он в отчете, — производит сильное впечатление своей организацией, внешним видом и дисциплиной войск. Эта армия показала, что сделала большой шаг вперед и, видимо, добилась успеха в сферах мотомеханизации и авиационного строительства. Но это лишь парад, проведенный на широкую ногу и с большими затратами, тщательно подготовленный так, чтобы зрители могли наблюдать за ним лишь на расстоянии. Этого недостаточно для того, чтобы сформировать верное представление об истинной ценности Красной армии»³¹. Как отметил Мандра в разговоре с советским дипломатом, «я прибыл в Россию, чтобы увидеть истинное лицо Красной армии, а не театральную маску, более или менее приукрашенную»³².

Знакомство с реальным состоянием РККА являлось одной из важнейших задач военного атташе. 1 августа в разговоре с Ворошиловым он прямо поставил вопрос: «После того, как я еще раз настоял на уже озвученной просьбе дать мне возможность ближе увидеть Красную армию, он пообещал, что мое желание будет удовлетворено, но лишь постепенно, по мере потепления наших отношений. «Мы достигнем этой цели лишь в том случае, — добавил он, — если военный атташе будет не единственным французским офицером, интересующимся нашей армией и контактирующим с ней». Одновременно нарком обратился к послу Франции в СССР Шарлю Альфану, присутствовавшему при беседе: «Почему бы Вам не прислать к нам техников, которые помогли бы нам в строительстве подлодок, миноносцев, возможно, даже крейсеров? Наш флот сильно в них нуждается, нам предстоит многое сделать для его возрождения. Мы бы хорошо приняли Ваших специалистов и щедро оплатили их труд»³³.

В словах Ворошилова крылся советский замысел двустороннего военного сотрудничества. Москва была готова допустить французского военного атташе в Красную армию лишь в том случае, если речь шла о полномасштабном взаимодействии, в котором четко выделялась военно-техническая составляющая.

Помимо этого, для советского руководства был важен принцип взаимности: оно настаивало на том, чтобы Венцов имел ровно такой же доступ во французскую армию, как Мандра — в РККА. 12 августа Ворошилов запрашивал мнение Сталина о перспективах сотрудничества с Францией: «При переговорах (здесь с Мендрасом, а в Париже с Де-Латтром) можно было бы сказать, что мы согласны дать возможность Мендрасу побыть в стрелковой и кавалерийской дивизиях (т. е. ознакомиться с работой их штабов, провести пару дней в полках и т. п.), осмотреть одну из школ и одну из авиачастей. Само собой разумеется, что нашему военному атташе должны быть показаны равноценные части»³⁴.

Э. Мандра получил возможность посещать отдельные соединения РККА и наблюдать за маневрами, однако главная проблема, с которой столкнулся полковник, заключалась в том, что советское командование, при всем благоприятном отношении к французскому представителю, не спешило посвящать его в детали внутреннего устройства Красной армии. За полтора года Мандра восемь раз выезжал в войска, однако всего однажды смог ознакомиться с боевыми качествами не «парадной», а среднестатистической территориальной дивизии РККА. Посещения элитных военных учебных заведений в Москве и Ленинграде, смотры Московской Пролетарской стрелковой дивизии, полностью укомплектованной на кадровой основе, показывали тот же фасад, который военный атташе наблюдал на Красной площади 1 мая и 7 ноября.

Он, впрочем, считал, что с чего-то надо было начинать. «Те из моих коллег, которые уже давно работают здесь, не скрыли от меня, что в последние годы эти визиты (в войска. — А. В.) были менее многочисленными и более поверхностными. Зная почти болезненную подозрительность большевиков, мы можем сделать вывод о том, что они считают уровень развития своей армии достаточно высоким, чтобы не бояться выносить на наш суд различные, правда, избранные, образцы военной техники»³⁵, — писал полковник в Париж в июле 1933 г. Во Франции Мандра был известен как активный сторонник боевого применения самостоятельных танковых соединений. Именно на бронетанковые колонны он обращал особое внимание на парадах. На учениях его также, в первую очередь, интересовала бронетехника. В беседе с представителем НКВМ после первомайского парада 1933 г. Мандра заметил: «В отношении танков вы безусловно занимаете первое место в Европе... *У вас есть прямо-таки прекрасные и могущественные танки* (выделено в документе. — А. В.). Последние новые танки — тяжелые — свидетельствуют о чисто советском происхождении. Кроме того, я узнал, что все то, что вы показали на параде из мотомехчастей, — это все производится на ваших собственных заводах — это меня еще больше поразило... *Ваши новые тяжелые танки — это "короли будущих битв"*»³⁶.

В своих отчетах он выражался умереннее, однако неизменно обращал внимание на то, что именно бронетанковые силы являются важным козырем РККА. На учениях наблюдал за боевым применением танков Т-26 и Т-27 (для их поименования полковник использовал названия британских прототипов — «Виккерс» и «Карден-Ллойд»). При показательной атаке в ходе учений в районе Кубинки советское командование одновременно ввело в бой 50 машин Т-26, которые успешно преодолели пересеченную местность, причем «ни одна из них

не столкнулась с трудностями»³⁷. Будучи артиллеристом, Мандра высоко отзывался о советских орудиях калибром 76,2 и 122 мм, отмечая, что те образцы, с которыми он ознакомился, поступили в войска всего два года назад. В сравнении с тогдашней ситуацией во французской армии, где артиллерийский парк почти не модернизировался³⁸, это выглядело очевидным достижением.

Э. Мандра неплохо оценивал качество кадрового состава Красной армии. «Солдат хорош, — писал он в отчете, — его организует дисциплина, суровость которой не отменяет советская велеречивость. Сегодня он такой же, каким был всегда — выносливый, послушный, достаточно сообразительный, но до небрежности беспечный. Охваченный той же страстью к просвещению, которая вдохновляет сегодня всех русских, он, как правило, гораздо лучше образован, чем когда-либо в прошлом. Средний командный состав, по-моему, отвечает поставленным перед ним задачам: он не блещет культурой, но близок к людям. Командиры среднего звена, безусловно, профессионально не развиты, но диктатура своей железной рукой борется с их врожденной ленью и заставляет их с религиозным усердием усваивать спускаемые сверху правила»³⁹.

Французский военный атташе особо выделял отдельных представителей высшего командного состава РККА. Высокую оценку он давал личным и профессиональным качествам Б. М. Шапошникова: «Человек большого ума, богатой и глубокой культуры, широких взглядов, внимательный и сочувствующий руководитель, он пользуется в Красной армии беспрекословным уважением и авторитетом. Он в полном смысле слова находится на своем месте»⁴⁰. Э. Мандра положительно отзывался о той роли, которую в вооруженных силах играли «ответственные работники», поддерживавшие активность командиров всех уровней. Главная отличительная черта военной элиты, подмеченная военным атташе, — возрастной состав. Многим командирам в генеральских званиях едва исполнилось 40 лет. Это имело свои плюсы: молодые кадры быстрее усваивали новые способы ведения войны, но в будущем сулило советским вооруженным силам кадровый кризис, связанный с ротацией кадров.

Полковник уловил особую атмосферу, определявшую отношения между командным составом и красноармейцами. Она, по его словам, была «совершенно не такой», как во французской армии: «Хотя в ходе несения службы внешние признаки субординации выражены достаточно строго и даже выглядят немного чрезмерными, здесь, безусловно, царит вольность, которая, возможно, шокировала бы некоторых наших офицеров... Кажется, что сегодня все эшелоны армейской иерархии соединены крепкими узами товарищества. Красные командиры близки к своим людям, и командующий дивизией привносит в отношения с подчиненными простоту и добродушие, в которых нет ни силы, ни принуждения»⁴¹. Э. Мандра, однако, полагал, что подобная свобода при всех своих плюсах для обеспечения внутренней сплоченности армейского коллектива может серьезно повредить дисциплине.

Эта проблема, впрочем, отступала на второй план по сравнению с более серьезными трудностями военного строительства, на которые обратил внимание военный атташе. Маневры 6-й стрелковой территориальной дивизии в районе Орла в сентябре 1933 г. продемонстрировали ему, что в отношении

боевой подготовки, тактических навыков и эффективности работы штабов РККА, очевидно, отставала от европейских армий. Соединения наступали без прочной локтевой связи. Мобильные авангарды отрывались от основных сил и становились жертвой вражеской артиллерии. Танки атаковали без прикрытия и пехотной поддержки. Войска не формировали линию фронта, делая ставку лишь на скорость. Средства усиления не массировались, а равномерно распределялись по соединениям, что фактически нивелировало их эффект. Наконец, главная проблема Красной армии, которую неоднократно отмечал Мандра, — недооценка фактора огневой мощи и неумение защищаться от артиллерийского огня⁴².

Несмотря на все успехи СССР в деле создания боеспособных сухопутных сил, которые отметил полковник, его общий вывод звучал неоднозначно: «Русские продемонстрировали нам намного больше того, что показывали раньше, чтобы мы могли прояснить ситуацию и сформировать мнение о Красной армии, которое, судя по всему, остается *совершенно неопределенным* (выделено в документе. — А. В.)»⁴³. Ему так и не показали «изнанку» РККА, а та информация о ней, которая доходила до Мандра по косвенным каналам, звучала тревожно. По сведениям помощника военного атташе, побывавшего в частях, расквартированных в южных районах Советского Союза, находившиеся там войска не были готовы к войне: «Вооружения и возможности их производства не позволяют им воевать против армии первоклассной индустриальной державы. С точки зрения тактической подготовки, они полностью ориентируются на имеющуюся схему и... едва ли способны проводить войсковые операции... [Советы] не смогли бы сформировать по мобилизации дополнительные крупные соединения по причине нехватки офицерских кадров в резерве»⁴⁴.

Представление о реальных военных возможностях СССР должно было дополниться картиной внутреннего положения страны, изучению которого французский военный атташе уделял особое внимание. Он помнил дореволюционную Россию, учитывал ту судьбу, которая ее постигла в результате Первой мировой войны, и пытался понять, насколько уверенно чувствует себя советская власть. С этой целью он и его помощник подполковник Л. Симон совершили несколько ознакомительных поездок по Советскому Союзу, в ходе которых их интересовали не столько вооруженные силы, сколько реальные достижения коммунистического строя и отношение людей к нему. Чтобы договориваться с СССР, нужно было понимать, насколько он прочен изнутри.

За полтора года пребывания в СССР Мандра лишь укрепился в своем неприятии коммунистической идеологии. Советское государство он описывал в категориях, явно позаимствованных у А. де Кюстина. В феврале 1934 г. он писал о «суровом божестве, каковым является коммунистическая партия, идол, питающийся человеческими жертвами: человек, каким бы выдающимся он ни был, ничего не значит перед лицом этой безымянной силы. Господствует лишь один человек, который своей первобытной энергией смог стать воплощением партии и олицетворением ее единства: Сталин. Одновременно диктатор и непогрешимый первосвященник, у сонма своих официальных последователей он вызывает практически религиозное чувство рвения»⁴⁵.

Вместе с тем большевики, по его мнению, придавали «славянской душе», о которой в начале века писал А. Леруа-Больё⁴⁶, ряд новых качеств. Рост значения культа вождя, который теперь вдохновлялся не старой христианской верой, а новой идеологией — одно из них. Однако Мандра как военного интересовало не только это. «Необходимо помнить, — отмечал он еще в 1932 г., — что в России господствует мистика научного прогресса и что в электрификации Ленин видел одно из наиболее надежных средств для осуществления на земле коммунистического строя. Хороший коммунист обожает все научное или техническое, все новое, все носящее печать “завтрашнее”»⁴⁷. Советская система архаична и, в то же время, современна. Рождался «новый культ индустрии и машины, присваивающий латентное религиозное чувство, сохранявшееся у русских»⁴⁸.

В октябре 1933 г. Мандра предпринял поездку на Украину. Эта часть Советского Союза привлекала его по нескольким причинам. Во-первых, военный атташе хотел лично убедиться в том, обоснованы ли слухи о страшном голоде, прокатившемся по Украине годом ранее. Во-вторых, он знал о сложных отношениях, существовавших между советской властью и крестьянством, оплотом которого считался плодородный юг страны. Поездка на Украину должна была показать, справились ли большевики с угрозой со стороны деревни. Наконец, Мандра, как и многих его современников, интересовал вопрос украинского национализма как угрозы целостности советского государства.

Полковник и его помощник отправились на Украину самостоятельно, резонно рассудив, что любая официально организованная поездка скроет от них большую часть реального положения дел. И они, действительно, увидели здесь многое⁴⁹. В Полтавской области местные жители сообщили им о том, что голод на самом деле был и привел к многочисленным жертвам. На дорогах Украины французские офицеры наблюдали сотни телег, свозящих сельхозпродукцию на приемные пункты. Ресурсы республики перетекали из деревни в город, и, обзревая грандиозные заводы Харькова, Мандра понимал, на что они расходуются. Советская власть, очевидно, одержала здесь победу над крестьянством, и голод, вероятно, стал одним из ее орудий.

«Большевики, — писал он в отчете в Париж, — приложили колоссальные усилия в сфере промышленности, где им удалось добиться значительных, а в ряде отраслей даже удивительных результатов... Конечно, не обошлось без ошибок... Несмотря на все, проделанная работа вызывает восхищение, тем более, что ценой успеха стали тяжелые лишения, которым вожди, усвоившие милитаристское мировоззрение, без колебаний подвергли страну... Сегодня очевиден невероятный факт: за четыре года в этой огромной империи с плохими дорогами почти все крестьяне были организованы в колхозы, а все, что пыталось сопротивляться — уничтожено». В украинских городах он не заметил ни следа сепаратистских настроений. В Киеве все жители говорили по-русски, а 1 октября французские офицеры стали свидетелями грандиозной демонстрации приветствия в честь командования РККА, прибывшего в республику с инспекционными целями.

В конце 1933 г. вывод военного атташе звучал однозначно: Франция должна тесно сотрудничать с СССР по всем направлениям. Красная армия, признавал он, страдает очевидными недостатками, «что вполне понятно, если мы вспомним, что [ее] командующие как военные сформировались в годы Гражданской войны и кампании против Польши. Но коммунисты обладают в высшей степени развитым навыком самокритики». «Представляется, что этот инструмент надежен»⁵⁰, — подытоживал полковник.

Э. Мандра говорил о том, что силу Советского Союза не следует недооценивать: «По России стоит лишь поехать, чтобы проникнуться убежденностью в том, что это — великая страна, наделенная, бесспорно, скорее экстенсивным, чем интенсивным потенциалом, но, тем не менее, впечатляющая своими возможностями, преодолевающая все испытания. Иностранец видит страну, переживающую бурный рост, хотя этот рост поспешный и беспорядочный. Вместе с тем в этом огромном теле чувствуется моральный подъем, благодаря которому... в новых формах, по мнению многих — гораздо более совершенных, продолжает совершаться великое дело, начатое много веков назад царями»⁵¹.

Этому развитию, по мнению полковника, не хватало подпитки извне — экономической, политической, культурной. Еще недавно ее оказывала Германия, но Франция должна перехватить инициативу, «воспользоваться благоприятными обстоятельствами, чтобы укоренить там [в СССР] свою технику и свое производство»⁵². В октябре 1933 г., на фоне резкого обострения франко-германских отношений, Мандра предлагал военно-политическому руководству в Париже немедленно активизировать контакты с Москвой: «Позиция этой страны в ситуации роста угрозы европейского конфликта имела бы большое значение. Чтобы изменить ее в положительную для нашей безопасности сторону, мы должны, не колеблясь, идти на определенные жертвы, даже финансового порядка... Моя непосредственная забота состоит в том, чтобы не упустить благоприятный момент. При обсуждении экономических и военных вопросов нам дают понять, что место, которое занимала Германия, свободно. Потратив шесть месяцев на изучение страны и все хорошо взвесив, я ответственно заявляю, что для нашей армии пришло время укрепить связи с Красной армией»⁵³.

Однако в начале 1934 г. полковник столкнулся с двумя проблемами, которые ставили под вопрос успех его миссии в Москве. Он направлял в Париж подробные аналитические отчеты и выступал с важными инициативами, но в ответ практически не получал четких инструкций. Де Латтр не являлся ответственным лицом и мог направлять своему протезе лишь общие советы. По официальной линии перед Мандра по-прежнему не ставили никаких серьезных задач. Более того, озвучиваемые им предложения сталкивались с негативной реакцией: «Работа в Москве делала его жертвой нападков и даже оскорблений в Париже и в Генеральном штабе армии»⁵⁴.

В то время как французская дипломатия в лице министра иностранных дел Л. Барту закладывала политические основы советско-французского блока, позиция армейского командования в отношении сближения с Москвой оставалась скептической. В начале 1935 г. ожидалась отставка Вейгана, который достигал возрастного максимума, позволявшего занимать командные долж-

ности. В преемники ему прочили начальника Генерального штаба армии Мориса Гамелена, относившегося к идее сотрудничества с Советским Союзом без энтузиазма. Конфидент Вейгана де Латтр, главная опора Мандра в Париже, становился хромой уткой.

Вместе с тем в Москве военный атташе чувствовал себя все менее уверенно. У него сложились хорошие отношения с Ворошиловым, к которому он проникся уважением. В феврале 1934 г., комментируя выступление наркома на XVII съезде ВКП(б), он писал: «Ворошилов держится как руководитель, не выбирает слова и не щадит никого, даже своих коллег по Совету [народных] комиссаров или Политбюро. Вот новое доказательство того авторитета, которым он пользуется, и господствующего положения, которое он занимает в правящих кругах Союза»⁵⁵. В августе — сентябре 1933 г. при участии Мандра состоялись визиты в Советский Союз бывшего главы французского правительства Э. Эррио и министра авиации П. Кота, которые способствовали укреплению политических связей между двумя странами. В то же время полковник чувствовал, что за внешней учтивостью советской стороны скрывалось нежелание открывать ему полную картину состояния Красной армии. Если поначалу ему казалось, что показательные выезды в войска — это лишь первый шаг к более глубокому знакомству с советскими вооруженными силами, то спустя время он стал сомневаться.

В августе 1934 г. он писал в Париж: «Мы, военные атташе, живем в искусственном мире: люди, специально поставленные за нами наблюдать (других мы и не видим), ограничиваются тем, что официально улыбаются и рассказывают нам положенные на сегодня истории; то, что нам показывают, было заранее подготовлено, если речь не идет о прямом подлоге. Чрезвычайно редки те проблески, которые за внешним декором приоткрывают нам кусок реальности»⁵⁶. Лоббируемый военным атташе проект обмена военными специалистами сталкивался с той же проблемой. В декабре 1933 г. в СССР находилась военно-техническая миссия французского флота, однако результаты ее работы Мандра считал незначительными. Обычно сдержанный, полковник позволил себе выразить недовольство этим в беседе с представителем НКВМ: «В корректной форме, но не без раздражения, он сетовал на то, что со стороны наших военных кругов, мол, не было проявлено достаточного доверия к бескорыстным намерениям французских экспертов... Он горячо хвалил отношение ко всем этим вопросам тов. Ворошилова, но всячески подчеркивал свое впечатление, что будто бы это отношение не дошло еще до сознания других представителей советского военного мира»⁵⁷.

Продолжающаяся идеологическая накачка, к которой на первых порах французский военный атташе относился с определенным снисхождением, становилась все более раздражающей и лишь активизировала его неприятие коммунизма. Свои опасения он высказал в мае 1934 г. в докладе, адресованном де Латтру: «Никогда нельзя забывать, что большевики являются коммунистами... Из того факта, что Россия — это коммунистическая страна, для нас, французов, следует, что мы не можем говорить о таком же сближении с ней, как, например, с Англией... В тот день, когда ситуация покажется благоприятной для

революции, большевики, несомненно, порвут все филькины грамоты, чтобы ринуться на баррикады»⁵⁸.

К лету 1934 г. Мандра оказался в фактической изоляции. Он серьезно переосмыслил свои взгляды на перспективы сотрудничества с Москвой. Полковник так и не получил ясных ответов на ключевые вопросы: в какой мере надежен организационный фундамент РККА? каковы ее реальные мобилизационные возможности? насколько развитой инфраструктурой она располагает? В одном из последних отчетов в Париж он признавался, что переоценил Красную армию в сравнении с вооруженными силами царской России: накопленный десятилетиями опыт, традиции, штабную культуру нельзя было заменить сотнями самых современных танков и самыми энергичными командирами. Обозначив целый ряд неизвестных, Мандра все же сделал вывод о том, что Красная армия может эффективно обороняться (но не наступать) и стала бы «серьезным партнером, способным отвлечь и удержать на своем фронте большую часть сил общего врага».

В то же время, утратив свой былой энтузиазм, военный атташе предлагал хладнокровно посмотреть на проблему военного сотрудничества с СССР с точки зрения стратегии. Потенциальный вооруженный конфликт, в который мог быть вовлечен Советский Союз, с Польшей и Японией в качестве агрессоров, мало затрагивал безопасность Франции. Германия же по состоянию на конец лета 1934 г. «явно демонстрировала мирные намерения в Центральной и Восточной Европе», но даже в случае изменения ее политики СССР оставался отделенным от границ Рейха Польшей и не мог помочь французскому союзнику в случае нападения, да и вряд ли хотел это делать. «СССР, — подчеркивал Мандра, — вступит в войну лишь за неимением другого выхода в случае нападения на его территорию». Вывод полковника звучал однозначно: «Если в дипломатическом плане франко-советское сближение, вероятно, охладит пыл некоторых хищников и эффективно послужит делу мира, то с военной точки зрения в *настоящих условиях* (выделено в документе. — А. В.) нам не хватает основ, чтобы построить что-то серьезное»⁵⁹.

В ноябре 1934 г. Мандра завершил свое пребывание в Москве и вернулся на родину. Его отъезд сопровождался рядом торжественных мероприятий, в ходе которых вновь говорилось о важности развития контактов между двумя армиями. Полковник оставил после себя хорошие воспоминания. В 1937 г., когда советско-французские отношения переживали острый кризис, зашла речь о его возможном возвращении в СССР⁶⁰. Однако сделанная им оценка перспектив сближения с Советским Союзом в военной сфере после 1934 г. не претерпела серьезных изменений. В итоговых соображениях Мандра содержались доводы, которые Генеральный штаб сухопутных сил из года в год озвучивал в ходе обсуждения перспективы союза Парижа с Москвой. Во-первых, Красная армия считалась сравнительно незначительной силой: несмотря на обилие у нее современной военной техники, она была не в состоянии на равных бороться против вооруженных сил великой европейской державы. Во-вторых, на нее смотрели как на авангард мировой революции, созданный для советизации Европы, а не для защиты мира. В-третьих, французы не видели практи-

ческой возможности для проецирования советской военной мощи: СССР не имел общей границы с Германией.

Военные двух стран, безусловно, не могли устранить последнее обстоятельство, однако сомнения по поводу первых двух пунктов целиком вытекали из обоюдного недоверия и нежелания встать на точку зрения другой стороны. Свою большую долю ответственности несло командование французской армии. Его мировоззрение, сформировавшееся после Первой мировой войны, оказалось косным и подверженным идеологическому и политическому воздействию. В отношении Советского Союза и его вооруженных сил у французских высших офицеров сложился шаблон, который с трудом поддавался пересмотру. В то же время и в их среде действовали люди, готовые договариваться с Москвой в ситуации обострения германской угрозы. Одним из них был полковник Мандра. Его отправка в СССР сама по себе являлась большим успехом сторонников советско-французского диалога, однако этот успех требовал развития, которое забуксовало и быстро сошло на нет. Здесь сказались не только предвзятость французов, но и очевидная негибкость советской стороны. Подозрительность в отношении представителей империалистического мира, присущее советским руководителям стремление хранить в секрете все, что касается военного строительства, общая непрозрачность советской системы и ее идеологизация явно мешали Москве прорубить новое окно в Европу⁶¹. Провал миссии Мандра привел к тому, что отношения между двумя армиями попали в порочную колею, из которой так и не смогли выбраться.

¹ Цит. по: *Молчанов Н. Н.* Генерал де Голль. М., 1980. С. 176.

² *Guelton F.* Les relations militaires franco-soviétiques dans les années trente // *La France et l'URSS dans l'Europe des années 30* / dir. M. M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. O. Tchoubarian. Paris, 2005. P. 72.

³ *Белюсова З. С.* Франция и европейская безопасность, 1929–1939. М., 1976; *Дюллен С.* Сталин и его дипломаты: Советский Союз и Европа, 1930–1939 гг. М., 2009; *Обичкина Е. О.* Французская дипломатия 1938–1939 гг.: от «умиротворения» к «сдерживанию», или политика гарантий // «Завтра может быть уже поздно...» М., 2009. С. 97–114 (Вестник МГИМО — университета; спец. вып. к 70-летию начала Второй мировой войны); *Carley M. J.* A Soviet Eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940 // *Diplomacy & Statecraft*. 2006. Vol. 17, no. 2. P. 295–346. DOI 10.1080/09592290600695292; *Duroselle J.-B.* La Décadence 1932–1939. Paris, 1983; *Girault R.* Les relations franco-soviétiques à la veille de la Seconde Guerre mondiale: bilan des années 1937–1940 // *Revue des études slaves*. 1977. Vol. 50, fasc. 3. P. 417–428; *Mourin M.* Les relations franco-soviétiques de 1917 à 1967. Paris, 1967; *Réau E. du.* Du plan Briand au traité de non-agression franco-soviétique. Les relations franco-soviétiques au début des années trente: vers un rapprochement des deux Etats (1930–1933) // *L'URSS et l'Europe des années 20* / dir. M. M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. O. Tchoubarian. Paris, 2000. P. 167–181; *Scott W. E.* Alliance Against Hitler. The Origins of the Franco-Soviet Pact. Durham, N. C., 1962; *Soutou G.-H.* Les relations franco-soviétiques, 1932–1935 // *La France et l'URSS dans l'Europe des années 30* / dir. M. M. Narinski, E. du Réau, G.-H. Soutou, A. O. Tchoubarian. Paris, 2005; *Vaisse M.* Sécurité d'abord. La politique française en matière de désarmement (9 décembre 1930 — 17 avril 1934). Paris, 1981.

⁴ *Alexander M. S.* The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1935–1940. Cambridge, 1992; *Buffotot P.* The French high command and the Franco-Soviet alliance 1933–1939 // *Journal of Strategic Studies*. 1982. Vol. 5, no. 4. P. 546–559. DOI 10.1080/01402398208437134; *Guelton F.*: 1) Les relations militaires franco-soviétiques dans les années trente; 2) Jean de Latre de Tassigny et les relations franco-soviétiques au début des

années trente // *Revue Historique des Armées*. 2002. No. 2. P. 3–10; *Réau E. du*. Édouard Daladier, 1884–1970. Paris, 1993; *Vaisse M.* Les militaires français et l’alliance franco-soviétique au cours des années 1930 // *Forces armées et systèmes d’alliance: Colloque international d’histoire militaire et d’études de défense nationale*, Montpellier, 2–6 septembre 1981. Paris, 1983. P. 688–703.

⁵ *Вершинин А.А.* У истоков советско-французского военного сотрудничества: миссия Б.М. Симонова во Франции (1932–1933 гг.) // *Российская история*. 2020. № 3. С. 52–66; *Дессберг Ф., Кен О.Н.* 1937–1938: Красная армия в донесениях французских военных атташе // *Вопросы истории*. 2004. № 10. С. 22–42; *Федулов С.В.* Советско-французское военно-техническое сотрудничество в области судостроения и вооружения в 1930-е годы // *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики*. 2014. № 3–1. С. 170–174; *Vershinin A.* ‘My task is to get into the French army’: Soviet strategy and the origins of Soviet-French military cooperation in the 1930s // *Journal of Strategic Studies*. 2021. Vol. 44, iss. 5. P. 685–714. <https://doi.org/10.1080/01402390.2020.1737930>.

⁶ *Айрапетов О.Р.* Внешняя политика Советской России и СССР в 1920–1939 годах и истоки Второй Мировой войны. М., 2020; *Наринский М.М.* Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны // *История Великой Победы: в 3 т. Т. 1: Канун трагедии / общ. ред. А.В. Торкунов; сост. М.А. Мунтян. М., 2020. С. 255–316; Мягков М.Ю., Ржешевский О.А.* Упущенный шанс: англо-франко-советские переговоры летом 1939 г. и советско-германский пакт от 23 августа 1939 г // *История Великой Победы. Т. 1. С. 317–333.*

⁷ Единственное специальное исследование деятельности Мандра на посту военного атташе Франции в СССР предпринял французский историк А. Баш. Его диссертация, написанная на основе документов личного архива полковника, осталась неопубликованной. См.: *Bach A.* Le colonel Mendras et les relations militaires franco-soviétiques: 1932–1935. Mémoire de maîtrise d’Histoire. Paris, 1981. Отдельные аспекты работы Мандра в СССР осветил Ф. Гельтон. См.: *Guelton F.*: 1) Jean de Lattre de Tassigny et les relations franco-soviétiques au début des années trente; 2) Les relations militaires franco-soviétiques dans les années trente.

⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 05. Оп. 13. П. 94. Д. 70. Л. 14 об.

⁹ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 12. М., 1949. С. 256.

¹⁰ *Haslam J.* Soviet Foreign Policy, 1930–33. The Impact of the Depression. London, 1983. P. 58–70.

¹¹ *Harris J.* Encircled by enemies: Stalin’s Perceptions of the capitalist world, 1918–1941 // *Journal of Strategic Studies*. 2007. Vol. 30, no. 3. P. 523–524.

¹² *Белоусова З.С.* Франция и европейская безопасность. С. 102; *Réau E. du*. Du plan Briand au traité de non-agression franco-soviétique. P. 174–176.

¹³ *Réau E. du*. Jean de Lattre de Tassigny, collaborateur du Général Weygand (1932–1935) // *Bulletin de la Société d’histoire moderne*. 16e série. 1982. No 15. P. 10–19.

¹⁴ *Lattre de Tassigny J. de*. Ne pas subir. Écrits 1914–1952. Paris, 1984. P. 141.

¹⁵ *Réau E. du*. Jean de Lattre de Tassigny, collaborateur du Général Weygand... P. 13.

¹⁶ О переговорах см. подробнее: *Вершинин А.А.* У истоков советско-французского военного сотрудничества.

¹⁷ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 431. Л. 148.

¹⁸ Там же. Д. 432. Л. 64.

¹⁹ Цит. по: *Bach A.* Le colonel Mendras... P. 15. Здесь и далее перевод с французского мой. — А.В.

²⁰ *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции. М., 2005. С. 111–116.

²¹ Цит. по: *Bach A.* Le colonel Mendras... P. 15.

²² Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 33988. Оп. 3а. Д. 205. Л. 96.

²³ Там же. Л. 94–93.

²⁴ *Guelton F.* Les relations militaires franco-soviétiques dans les années trente. P. 70.

²⁵ Цит. по: *Bach A.* Le colonel Mendras... P. 36.

²⁶ *Guelton F.* Les relations militaires franco-soviétiques dans les années trente. P. 68.

²⁷ Archives du Service Historique de l'Armée de Terre (далее — SHAT). 7N 3121. Compte rendu du Colonel Mendras, attaché militaire sur son séjour à Moscou du 8 au 23 avril 1933.

²⁸ SHAT. 7N 3121. Ambassade de France à Moscou. L'Attaché militaire. Compte rendu de séjour. Période de 25 avril au 5 mai 1933.

²⁹ АВП РФ. Ф. 0136. Оп. 17. П. 159. Д. 7. Л. 35.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 432. Л. 127.

³¹ SHAT. 7N 3121. Ambassade de France à Moscou. L'Attaché militaire. Compte-rendu sur la Revue du 1 mai 1933.

³² Ibid. Ambassade de France à Moscou. L'Attaché militaire. Compte-rendu mensuel no. 2. Mois de juillet 1933.

³³ Ibid. Le Colonel Mendras, Attaché Militaire à Monsieur le Ministre de la Guerre, Etat-Major de l'Armée, 2e Bureau. Moscou, 1 août 1933.

³⁴ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 500. Л. 55 об.

³⁵ SHAT. 7N 3121. Le Colonel Mendras, Attaché Militaire à Monsieur le Ministre de la Guerre, Etat-Major de l'Armée, 2e Bureau. Moscou, 25 juillet 1933.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 432. Л. 127.

³⁷ SHAT. 7N 3121. Le Colonel Mendras, Attaché Militaire à Monsieur le Ministre de la Guerre, Etat-Major de l'Armée, 2e Bureau. Moscou, 17 juillet 1933.

³⁸ *Garraud P.* La politique française de réarmement de 1936 à 1940: priorités et contraintes // *Guerres mondiales et conflits contemporains*. 2005. No. 3. P. 92.

³⁹ SHAT. 7N3121. Compte rendu du colonel Mendras sur les manœuvres de septembre 1933, 25 septembre 1933.

⁴⁰ Ibid. Le Colonel Mendras, Attaché Militaire à Monsieur le Ministre de la Guerre, Etat-Major de l'Armée, 2e Bureau. Moscou, 15 juillet 1934.

⁴¹ Ibid. Le Colonel Mendras, Attaché Militaire à Monsieur le Ministre de la Guerre, Etat-Major de l'Armée, 2e Bureau. Moscou, 26 janvier 1934.

⁴² Ibid. Compte rendu du colonel Mendras sur les manœuvres de septembre 1933, 25 septembre 1933.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid. Ambassade de France à Moscou. L'Attaché militaire. Compte-rendu mensuel no 14. Mois de juillet — août 1934.

⁴⁵ Ibid. Compte rendu officiel du Colonel Mendras, février 1934.

⁴⁶ *Cœuré S.* La Grande Lueur à l'Est. Les Français et l'Union soviétique (1917–1939). Paris, 2017. P. 18–21.

⁴⁷ РГВА. Ф. 33987. Оп. 3а. Д. 500. Л. 12.

⁴⁸ *Cœuré S.* La Grande Lueur à l'Est. P. 219.

⁴⁹ SHAT. 7N 3121. Compte rendu du Colonel Mendras de voyage en Ukraine, 20 octobre 1933.

⁵⁰ Ibid. Compte rendu du colonel Mendras sur les manœuvres de septembre 1933, 25 septembre 1933.

⁵¹ Ibid. Le Colonel Mendras, Attaché Militaire à Monsieur le Ministre de la Guerre, Etat-Major de l'Armée, 2e Bureau. Moscou, 15 juillet 1934.

⁵² Ibid. Compte rendu du Colonel Mendras de voyage en Ukraine, 20 octobre 1933.

⁵³ Ibid. Ambassade de France à Moscou. L'Attaché militaire. Compte-rendu mensuel no 5. Mois d'octobre 1933.

⁵⁴ *Guelton F.* Les relations militaires franco-soviétiques dans les années trente. P. 69.

⁵⁵ SHAT. 7N 3121. Le Colonel Mendras, Attaché Militaire à Monsieur le Ministre de la Guerre, Etat-Major de l'Armée, 2e Bureau. Moscou, 7 février 1934.

⁵⁶ Ibid. Ambassade de France à Moscou. L'Attaché militaire. Compte-rendu mensuel no 14. Mois de juillet — août 1934.

⁵⁷ АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 91. Л. 55.

⁵⁸ Цит. по: *Bach A.* Le colonel Mendras... P. 185.

⁵⁹ SHAT. 7N 3121. Ambassade de France à Moscou. L'Attaché militaire. Compte-rendu mensuel no 14. Mois de juillet — août 1934.

⁶⁰ РГВА. Ф. 33987. Оп. За. Д. 1027. Л. 16.

⁶¹ *Кен О. Н.* Сталин как стратег (между двумя войнами) // *Войны XX века / гл. ред. Г. О. Павловский; сост. Е. Н. Пенская, В. Л. Глазычев. М., 2004. С. 51–54.*

Статья поступила в редакцию 12 января 2021 г.

Рекомендована в печать 10 мая 2021 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Вершинин А. А. СССР и Красная армия глазами военного атташе Франции Э. Мандра. 1933–1934 гг. // *Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 3. С. 686–704.*

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.308>

УДК 94(47).084.6

Аннотация: С опорой на новые документы из российских и французских архивов исследуется важный аспект франко-советских отношений накануне Второй мировой войны — взаимодействие между военными двух стран. Вопрос о сотрудничестве армий был поднят сразу после подписания франко-советского пакта о ненападении в 1932 г. В следующем году в Москву прибыл первый французский военный атташе Э. Мандра. Он изучал советскую действительность с целью определения реального потенциала СССР как возможного союзника. Несмотря на ряд недостатков советской общественно-политической системы и вооруженных сил, Мандра пришел к выводу о том, что политический режим в стране достаточно устойчив, а Красная армия имеет необходимые ресурсы для ведения европейской войны. В то же время он ставил под сомнение внешнеполитические цели Москвы и критически относился к советской идеологии как фактору принятия политических решений. На первых порах военный атташе рекомендовал руководству Франции развивать союзнические отношения с СССР. Однако постепенно его убеждение менялось на фоне отсутствия взаимопонимания с советской стороной и противоречий по вопросу о сближении с Москвой, возникших между представителями военно-политического руководства в Париже. В 1934 г. Мандра смотрел на перспективы сотрудничества с СССР скептически. Этот поворот во многом отражает смену вектора в советско-французских отношениях в середине 1930-х гг., что привело к их охлаждению накануне Второй мировой войны.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Красная армия, французская армия, Эдмон Мандра, пакт о ненападении, пакт о взаимопомощи, Франция, СССР.

Сведения об авторе: *Вершинин А. А.* — канд. ист. наук, ст. преп., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; ст. науч. сотр., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Москва, Россия); averchinine@gmail.com

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, 1

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19

FOR CITATION

Vershinin A. A. 'USSR and the Red Army through the Eyes of the French Military Attaché E. Mendras (1933–1934)', *Modern History of Russia*, vol. 11, no. 3, 2021, pp. 686–704.

<https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2021.308> (In Russian)

Abstract: The article, largely based on new documents from Russian and French archives, examines an important aspect of Franco-Soviet relations on the eve of the Second World War: the interaction between the militaries of the two countries. The question of cooperation between the two armies was raised immediately after the signing of the Franco-Soviet non-aggression pact in 1932. The following year, the first French military attaché, E. Men-

dras, arrived in Moscow. A proponent of the revival of the Franco-Russian alliance, he explored Soviet reality to determine the real potential of the USSR as a possible ally. Despite a number of shortcomings of the Soviet socio-political system, Mendras came to the conclusion that the political regime in the country was quite stable, and its armed forces had the necessary resources to conduct a European war. At the same time, he questioned Moscow's foreign policy goals and was critical of Soviet ideology as a factor in political decision-making. At first, the military attaché recommended that the French leadership enhance the alliance with the USSR. However, his attitude gradually changed against the background of a lack of complete mutual understanding with the Soviets and contradictions on the issue of rapprochement with Moscow, which cleaved the military-political leadership in Paris. In 1934, Mendras was skeptical about the prospects for cooperation with the USSR. This turn, in many ways, reflects a general change in the vector in Soviet-French relations in the mid-1930s, which led to their deterioration on the eve of the Second World War.

Keywords: Second World War, Red army, French army, Edmond Mendras, non-aggression pact, treaty of mutual assistance, France, USSR.

The research was supported by the Russian Science Foundation (RSF), project no. 20-78-10014.

Author: *Vershinin A. A.* — PhD in History, Senior Lecturer, Lomonosov Moscow State University; Senior Research Associate, Ural Federal University (Moscow, Russia); averchinine@gmail.com

Lomonosov Moscow State University, 1, Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia

Ural Federal University, 19, ul. Mira, Yekaterinburg, 620002, Russia

References:

- Airapetov O. R. *Foreign policy of Soviet Russia and the USSR in 1920–1939 and the Origins of the Second World War* (Moscow, 2020). (In Russian)
- Alexander M. S. *The Republic in Danger: General Maurice Gamelin and the Politics of French Defence, 1935–1940* (Cambridge, 1992).
- Bach A. *Le colonel Mendras et les relations militaires franco-soviétiques: 1932–1935*. Mémoire de maîtrise d'Histoire (Paris, 1981).
- Belousova Z. S. *France and European security, 1929–1939*. (Moscow, 1976). (In Russian)
- Buffotot P. 'The French high command and the Franco-Soviet alliance 1933–1939', *Journal of Strategic Studies*, vol. 5, no. 4, 1982. <https://doi.org/10.1080/01402398208437134>
- Carley M. J. 'A Soviet Eye on France from the rue de Grenelle in Paris, 1924–1940', *Diplomacy & Statecraft*, vol. 17, no. 2, 2000. <https://doi.org/10.1080/09592290600695292>
- Charle C. *Intellectuals in France* (Moscow, 2005). (Rus. Ed.)
- Coœuré S. *La Grande Lueur à l'Est. Les Français et l'Union soviétique (1917–1939)* (Paris, 2017).
- Dessberg F., Ken O. N. '1937–1938: The Red Army in the reports of the French Military Attachés', *Voprosy istorii*, no. 10, 2004. (In Russian)
- Dullin S. *Des hommes d'influences. Les ambassadeurs de Staline en Europe* (Paris, 2001). (Rus. Ed.)
- Duroselle J.-B. *La Décadence 1932–1939* (Paris, 1983).
- Fedulov S. V. 'Soviet-French Military-Technical Cooperation in the Field of Shipbuilding and Weapons in the 1930s', *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskoye i yuridicheskoye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, no. 3–1, 2014. (In Russian)
- Garraud P. 'La politique française de réarmement de 1936 à 1940: priorités et contraintes', *Guerres mondiales et conflits contemporains*, no. 3, 2005.
- Girault R. 'Les relations franco-soviétiques à la veille de la Seconde Guerre mondiale: bilan des années 1937–1940', *Revue des études slaves*, vol 50, no. 3, 1977.
- Guelton F. 'Jean de Lattre de Tassigny et les relations franco-soviétiques au début des années trente', *Revue Historique des Armées*, no. 2, 2000.
- Guelton F. 'Les relations militaires franco-soviétiques dans les années trente' in *La France et l'URSS dans l'Europe des années 30* (Paris, 2005).
- Harris J. 'Encircled by enemies: Stalin's Perceptions of the capitalist world, 1918–1941', *Journal of Strategic Studies*, vol. 30, no. 3, 2007. <https://doi.org/10.1080/01402390701343490>
- Haslam J. *Soviet Foreign Policy, 1930–33. The Impact of the Depression*. (London, 1983).

- Ken O. N. 'Stalin as Strategist (between World Wars)' in *Voyny XX veka*. (Moscow, 2004). (In Russian)
- Lattre de Tassigny J. de. *Ne pas subir. Écrits 1914–1952* (Paris, 1984).
- Molchanov N. N. *General de Gaulle* (Moscow, 1980). (In Russian)
- Mourin M. *Les relations franco-soviétiques de 1917 à 1967* (Paris, 1967).
- Myagkov M. Y., Rzheshhevskiy O. A. 'A Missed Chance: Anglo-Franco-Soviet Talks in the Summer of 1939 and the Soviet-German Pact of 23 August 1939' in *Istoriya Velikoy Pobedy*, vol. 1. *Kanun tragedii* (Moscow, 2020). (In Russian)
- Narinskiy M. M. 'The International Political Crisis on the Eve of World War II' in *Istoriya Velikoy Pobedy*, vol. 1. *Kanun tragedii* (Moscow, 2020). (In Russian)
- Obichkina E. O. 'French Diplomacy 1938–1939: from "Appeasement" to "Containment", or the Policy of Guarantees' in 'Zavtra mozhet byt' ushe pozdno', *Vestnik MGIMO, Special issue dedicated to the 70th anniversary of the beginning of the Second World War*, 2009. (In Russian)
- Réau E. du. 'Du plan Briand au traité de non-agression franco-soviétique. Les relations franco-soviétiques au début des années trente: vers un rapprochement des deux Etats (1930–1933)' in *L'URSS et l'Europe des années 20* (Paris, 2000).
- Réau E. du. *Édouard Daladier, 1884–1970* (Paris, 1993).
- Réau E. du. 'Jean de Lattre de Tassigny, collaborateur du Général Weygand (1932–1935)', *Bulletin de la Société d'histoire moderne*, 16e série, no. 15, 1982.
- Scott W. E. *Alliance Against Hitler. The Origins of the Franco-Soviet Pact* (Durham, N. C., 1962).
- Soutou G.-H. 'Les relations franco-soviétiques, 1932–1935' in *La France et l'URSS dans l'Europe des années 30* (Paris, 2005).
- Vaïsse M. 'Les militaires français et l'alliance franco-soviétique au cours des années 1930' in *Forces armées et systèmes d'alliance: Colloque international d'histoire militaire et d'études de défense nationale, Montpellier, 2–6 septembre 1981* (Paris, 1983).
- Vaïsse M. *Sécurité d'abord. La politique française en matière de désarmement (9 décembre 1930–17 avril 1934)* (Paris, 1981).
- Vershinin A. "'My task is to get into the French army": Soviet strategy and the origins of Soviet-French military cooperation in the 1930s', *Journal of Strategic Studies*, 2020. <https://doi.org/10.1080/01402390.2020.1737930>
- Vershinin A. A. 'Origins of the Soviet-French military collaboration: B. M. Simonov's mission to France (1932–1933)', *Rossiiskaia Istorii*, no. 3, 2020. (In Russian). <https://doi.org/10.31857/S086956870010143-8>

Received: January 12, 2021

Accepted: May 10, 2021